

Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

«И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ, И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИТ...»

Статья посвящена проблеме употребления эмоциональной лексики в языке Петровской эпохи (1690–1725 гг.). Источником исследования являются тексты разных типов письменности: деловые документы государственных канцелярий, дипломатическая переписка, частные письма, художественные тексты. К эмотивам относятся слова разных частей речи, а также фразеологические обороты, наиболее активно эмоции выражают глаголы и глагольно-именные предикативы. Эмоциональные слова и обороты в изучаемых текстах являются элементами исконного происхождения и общерусского распространения. Арсенал эмоциональной лексики разнообразен тематически, они способны обозначать разную степень выражения эмоций: *бранить* – *ругать* – *гневатся*. Установлено, что степень выражения эмоций зависела от сочетания в тексте смыслов и настроений, особенно, если субъект речи описывал собственные эмоциональные переживания и ощущения. Эмоциональные единицы, попадая в устойчивые обороты речевого этикета, заметно сокращают или вовсе теряют эмоциональный настрой. Эмотивная лексика создает положительные и отрицательные образы в речевом произведении. Эмоциональные слова развивают однокоренные и синонимические ряды. Необходимость выбора слова осознавалась не только образованными представителями власти, но и рядовыми гражданами, что свидетельствует о формировании сознательного отношения к языку.

История русского языка, эмоционально-экспрессивная лексика и фразеология, лексическое значение, части речи, типы (разновидности) речи, нормы литературного выражения.

Введение. Слова, вынесенные в название статьи, известны как эпиграф к первой главе романа «Евгений Онегин». Пушкин взял их из стихотворения П.А. Вяземского «Первый снег» (1817 г). Вот более полный состав этого предложения у П.А. Вяземского: «По жизни так спешит горячность молодая, И жить торопится, и чувствовать спешит» (Вяземский, с. 130).

Нам представляется возможным подобным образом характеризовать время Петра I – царя, который объездил всю Россию и неоднократно выезжал за границу, реформировал систему управления государством, открыл для России Балтийское море, провел реформу азбуки, открыл университет и академию наук, сменил столицу. Он научил носить новую одежду и по-новому отдыхать. Он один сделал больше, чем любая из созданных им коллегий. Он был постоянно в разъездах, ему не хватало времени, поэтому он даже переделал календарь и новый год перенес с сентября на январь. Русские узнали цену времени, освоили Сибирь и Дальний Восток, изучили иностранные языки и приблизили к себе Европу. Быстрый темп жизни, сложность проводимых преобразований сказались на характере коммуникаций как в разговоре, так и при письменных контактах, а сами эти формы общения сблизились, в целом речь стала более живой, более эмоциональной, более демократичной.

Конец XVII в. – первая четверть XVIII в. с позиций истории русского языка – это время реальных и значительных изменений в лексике и грамматике, это активность переводческой деятельности и начало газетного дела, издание словарей и первые пробы написания российской грамматики. Язык Петровской эпо-

хи (реальное время от начала самостоятельного правления Петра до его кончины: 1690–1725 гг.) представляет собой ценный филологический источник. Усилиями ученых в XXI веке было уточнено время вхождения в язык многих лексических единиц, исследовано семантическое развитие отдельных тематических групп, см.: [2–5, с. 7–11]. В современных исследованиях историко-лексикологические проблемы часто пересекаются с историко-социальными и лингвокультурологическими вопросами. Письменность, даже в таких формах, как юридическая и дипломатическая переписка, стала сближаться с устной речью и более широко отражать эмоциональные переживания и отношения собеседников.

Основная часть. Наша работа посвящена лексике эмоциональной сферы, которая ранее на материале языка Петровской эпохи не была предметом лингвистического исследования, хотя язык прозы второй половины XVIII в. в этом отношении исследовался, см., например: [1; 6].

Эмоциональность граничит с оценочностью и экспрессивностью. Предлагаемые далее определения этих понятий носят рабочий характер и совпадают с концепцией В.И. Шаховского, в обобщенном виде изложенной в его книге: [12].

Эмоциональность, эмоционально выразительная речь – это речь, отображающая с помощью лексических, а также морфологических и синтаксических средств эмоции и чувства человека.

Оценочность – положительная или отрицательная характеристика объекта, которая фиксируется в речевом акте.

Экспрессивность – эмоциональное и одновременно оценочное отношение, выражаемое с помощью языковых средств.

Среди лексических единиц, выражающих эмоции, большую часть составляют глаголы. Глаголы с семантикой эмотивности в современном языке составляют 36 тематических групп, существительных почти вдвое меньше: 16 семантических групп [12, с. 110–124].

Эмоции могут быть выражены вербальными и невербальными средствами. Иногда эмоция не называется, но присутствует в семантике слова, это слово может относиться, например, к бранной лексике, к коннотативам, вульгаризмам, междометиям. Важную роль играют изобразительно-выразительные средства: сравнения и метафоры, фразеологизмы. Для передачи эмоций используются синтаксические средства: повторы, неполные предложения, восклицательные предложения, обращения, риторические вопросы.

В нашей статье речь пойдет о лексических средствах. В качестве источников речевого материала используются деловые бумаги, дипломатическая документация и личная переписка. Из обширного свода документов «Письма и бумаги имп. Петра Великого» взяты том 9, вып. 1; том 13, вып. 1–2. Близки к устно-разговорной речи письма, которыми обменивался Петр I с женой Екатериной Алексеевной (опубликованы в книге «Письма русских государей и других особ царского семейства», 1861). Используются также грамотки – частные письма лиц разного социального статуса («Грамотки XVII–XVIII века», 1969).

В цитатах курсивом выделены слова и словосочетания, содержащие эмотивные элементы, например: «Объявляю вам о недавно случившемся мне *счастью*, ибо принц Георгеи умре и теперь уже свободно могу свататца» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 14; 1709, Петр – царевне Наталии Алексеевне). Как видим, письмо содержит иронический подтекст.

Что касается жанровой и тематической приуроченности эмоциональных элементов, то эмотивы различных семантических групп широко представлены, например, в дипломатической переписке того времени: «И пребываем к вам *приязною* нашею *склонный* Петр» (Там же, с. 18); «Зело *удивляемся*, что ваша милость пишешь, будто от нас ответу не получил»; «Тою посылкою войск наших *доволны* будете» (Там же, с. 16). В следующем примере упоминаются сложные слова *благоугодны*, *готовоохотны*, специально используемые в дипломатической переписке, они выражают добрососедские намерения и стремление к дружественным связям: «И пребываем вашей светлости и *любви* ко оказанию всех *благоугодно* стать и *дружбы* *готово-охотны*» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 206; 1713).

Обратим внимание на переписку Петра с запорожскими казаками. Эти документы отличаются обилием эмоциональных слов и выражений, ср.: «Безстыдной универсал на малороссийском языке, которой наполнен *грубой лаи*, касающейся высокой персоны нашей, и ради нескладной явной всем и простым, а не то что умным людям, лжи, *самохвалства* и кричения» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 59; 1709); «Оборонять вас от *гнева* нашего некому ибо швед ныне и сам от

войска нашего окружен» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 184; 1709).

Письма Петра Меншикову, как правило, состоят из двух частей: официальной и личной. В основной, официальной части представлено обращение на *Вы*, деловые распоряжения, приказный тон; в неофициальной – обращение на *ты*, информация о состоянии здоровья, пожелания благополучия жене и детям, шутки: «Коть *любимой* мой умре, однакож, дай боже, чтоб болше сих подобных *печалей* не было» (Там же, с. 168). Сознательное отношение Петра к выбору эмоциональной лексики зафиксировано в письмах, где он сам дает оценку особенностям употребления эмоциональной лексики: «Нам зело было *неприятно* слышать. И таго ради писали ко оному *в крепких терминах*, дабы обходился с нашею милостию *дружеслюбно*» (Там же, с. 213).

Рассмотрим более подробно особенности употребления наиболее частотных элементов типа *сердиться*, *быть сердитым*.

Сердиться, *бранить*, *попрекать*, *рняться* «*быть недовольным*», *пенять* – первая степень выражения недовольства. *Ругать*, *попрекать* указывали на усиление недовольства и предполагали употребление более выразительных и крепких выражений. Приведем примеры: «Принужден я *сердит* *быть* на вас» (Там же, с. 123); «Стал меня *бранить* называет меня шпынемь *попрекает* меня» (Гр-ки, 281; 1699). «Крстьяня тому что ты приказал ягоды брать, *рняться*» (Там же, 312; 1680); «Нас беспрестани *бранять* и *ругают* а работниковь *бьют*» (Там же, 258; 1701).

Мягкое выражение недовольства связано со словом *пенять* «выговаривать, считать виноватым»: «И уже *пенять* не на ково» (Переписка, с. 156; 1715, Петр). Иногда «гневные» слова выражали простую обиду: «Не *погневайся*, что присланного ничем не подарил, недостаток в казне имею» (Там же, с. 131; 1723, Петр); «Просим не *иметь на нас гневу*» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 282; 1713); «не *прогневайся* что не прислал» (Гр-ки, 157).

Самое сильное недовольство выражали слова *злиться*, *гневаться*, *погневаться*, *прогневаться*, *злбиться*, *ненавидеть* «злиться с сильной степенью проявления этого чувства»: «Не помня оной *злости* и оскорбления, нам прежь сего от них учиненного, даем их милостям амнистию» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 142; 1709); «Бурмистры на нас *злбятца*» (Гр-ки, 262; 1701). Оборот *для ненависти* значил «против ненависти, для защиты от ненависти»: «*Для ненависти* гсдрь взми указ» (Гр-ки, 200). Ср. словарные толкования: *ненависть* «чувство сильной неприязни» (СлРЯ XVIII в., вып. 12, с. 84); *озлбиться* «почувствовать злобу, гнев» (Там же, вып. 16, с. 214).

Угрозы могли выражаться и эвфемизмами: «Я де ему *спину маяче брюха сделаю*» (Гр-ки, 281; 1699).

Приведем еще примеры выражения крайней злобы и ненависти, выраженной словами: *зло*, *злоба*, *озлбиться*, *злая ненависть*, *зло злей*: «Стараюся, чтоб прежде всего те мнения и *злости* утишить» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 397; 1713, В.Л. Долгорукий – Петру); «Дабы министры в Англии о том ничего не сведали и тем бы вящее *озлбились*» (Там же, вып. 1, с. 271; 1713); «Здесь, кроме *злой ненависти* от преступников

и злодеев, бысть не мочно» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 331; 1713); «Но паче зло злей учинил и худые свои поступки умножил» (Там же, вып. 1, с. 241; 1713). Слово *зло* было противоположно *добру* и обозначало «все вредное, дурное, пагубное» (СлРЯ XVIII в., вып. 8, с. 185). *Злоба* определяется в словаре как «вражда, ненависть к кому-либо, желание причинить зло» (Там же, с. 186). Слово *злой* также олицетворяло все варианты дурного: «творящий зло, исполненный зла, порочный, грешный» (Там же, с. 190).

Боязнь и страх – два соседствующих переживания, различающиеся силой выражения, о чем свидетельствует пример из переписки Петра: «Имеют страх и приходиться с самыми нужнейшими делами боятца» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 331; Петр). *Угрозы* порождали *страх*, *страхование*, *страсть*, *страшить(ся)*, *устрашить(ся)*, *учинить страх*, *быть страху*, *для страха делать*, *страху ради*, *ужесть*: «За таким их страхованием и за угрозыми словами приказу бегаю» (Гр-ки, 176); «Она со страсти и пропала» (Там же, 29); «А страху какому быть, понеже водою пойдут» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 152; 1709); «Для того конечно надлежит вам дабы протчим страх учинить» (Там же, с. 128; 1709); «Також для страха соломы в монастырь и в знатные дома внеси, будто хочеш и указ имееш зажечь» (Там же, с. 415; 1709); «Королевна обмерла от великой ужести» (Пов. о Василии, с. 205).

Особо сильное переживание обозначалось оборотом *распалиться сердцем*, см.: Цесарь весьма опечалился и о брате своем и *распалился сердцем* (Там же).

Эмоции, связанные с проявлением о ком-либо заботы, милосердия, любви, выражались словами *радеть* «хлопотать, заботиться», *милосердовать*: «Ково гсдрь укажет к тебе с похвалою послат... о тебе крепько *радеет*» (Гр-ки, 132; 1708); «Богъ и *умилосерди сердцу* ево ко мне» (Там же, 72).

Особенно представительно гнездо слов с корнем *любов-*: «Посылщикова накарми и *любовь всякую покажи*» (Там же, 158); «*хлебом и солю любительство чини*» (Там же, 160); «Поживи с тамошними жители *любовненко*» (Там же, 166); «Я тебе *любительно* своему челом бью» (Там же, 19). В грамотках, как учили издатели в алфавитном списке использованных слов, зафиксированы следующие слова с корнем *любов-*: 3 примера *любительно*, 2 – *любительный*, 2 – *любительство*, 4 – *любовненко*, 1 – *любовный*, 34 – *любовь*.

Разберемся в показаниях «Словаря русского языка XVIII века» относительно семантики этих слов: *любовь* «привязанность, преданность, сердечность» (СлРЯ XVIII в., вып. 12, с. 13); *любитель* «тот, кто испытывает чувство любви к кому-либо» (Там же, с. 9); *любительно* – это «наречие, обладающее признаками славянизма» (Там же); *любительный* «относящийся с любовью, приятный» (Там же); *любительство* «любовь, притязанье, дружба (Там же). Слово *любовненко* в словаре отсутствует.

К этой же группе эмоций относится жалость, для выражения которой использовались слова *жалеть*, *сожалеть*, *милосердовать*, *жаловаться*: «О болезни вашей *зело сожалеем*» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 184; 1709); «Зело *жалъ*, что сие место по се время в разных руках было, ибо губернатор *зело жалуется* на

приказ» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 190; 1709); «Часто сожалею, что не вместе с вами гуляю» (Переписка, с. 90; 1719 – Катерина). *Жаловаться* в одном из своих значений значило «чувствовать боль, болезнь, говорить о болезни» (СлРЯ XVIII в., вып. 7, с. 94). По смыслу сюда приближается оборот *желать от сердца*, у него было второе значение «выражать, высказывать пожелание; переживать, чувствовать» (Там же, с. 103). См. еще возможный синоним, характерный для того времени: *проявлять милосердие, сочувствие, сострадание* (Там же, вып. 12, с. 4). В текстах отмечен и оборот *милосердие в сердце*, который пока не отмечен в словаре.

Часто переживаемое чувство печали имело несколько вариантов для выражения: *печаль*, *печалиться*, *печаловать(ся)*, *опечалить*, *печальный*, *даться в печаль*, *пробывать в печали*, *быть не без печали*. Эти слова и обороты в петровских бумагах использовались для обозначения значительной амплитуды чувств от сожаления и плохого настроения до переживания утраты любимого человека. Приведем словарные определения семантики некоторых слов и оборотов: *печалиться* «испытывать печаль, предаваться печали; заботиться» (Там же, вып. 19, с. 192); *печаловаться* «предаваться печали, горевать» (Там же, с. 191); *печаль* «чувство грусти, скорби, противоположность радости» (Там же); *в печали быть*, *в печали пребывать* «находиться, пребывать в каком-либо состоянии» (Там же, вып. 2, с. 185–186); *печальный* «испытывающий чувство печали» (Там же, вып. 19, с. 193).

Как видно из следующих примеров, *печалиться* могло означать не только «горевать», но и «тосковать», «сожалеть». См. примеры: «Ваша святость от нас отдалаетца, зело *печалны*» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 318; 1709); «Ана *полюбила* чернца и я о том жениху объявил, о чем зело *печалитца*, и от тоей *печали* хочет сам взблудитца» (Там же, с. 419; 1709); «Домна о Дмитрии *в печал не давалас...* она об немъ велми *тужит*» (Гр-ки, 117); «Ты по муже своем Дмитрии велми *в печали своеи пребываешь...* ты Домна живи а о муже своем Дмитрии не *тужи*» (Там же, 118); «Нам *печално* что мало к нам пишеши» (Там же, 310); «Живу еле жив *в печали* своеи и немочи» (Там же, 212); «Ведомость, полученная о преставлении вашего отца, *опечалила*» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 90; 1713, Петр – прусскому королю). См. словарную справку: *опечалиться* «стать печальным, огорчить, расстроиться» (СлРЯ XVIII в., вып. 17, с. 17).

Фразеологизм *печалиться всем сердцем* с усиленным наречием *зело* употребляется в художественной речи, см., например: «Королевна, слышав, *зело печалилась всем сердцем*» (Пов. о Василии, с. 20). В данном случае автор использует двойное усиление переживаемого чувства: *всем сердцем* «очень сильно» и *зело* «очень».

К глаголам с корнем *печал-* ирриближаются слова *тужить*, *тосковать*, *сокрушаться*: «Я в том велми *тужю* что долго струговъ нет» (Гр-ки, 266); «О вас, государыня, *в великих печалих сокрушаются*» (Пов. о Василии, с. 203); «О том же *тужите*, что не вместе» (Переписка, с. 72).

Другой ряд «грустных» слов составляют лексемы *скука*, *скучать*, *скучить*, *скушно*, *поскучать*: «Мне не без *скуки* без вас, а и вам, чаю, такъ же» (Там же, с. 7;

1709); «Для интересу принуждены не *скучать*» (Переписка, с. 11); «Пред очми непърестанно непърятные гости, на которых уже намъ *скучило* смотреть» (Там же, с. 6; 1708); «Я слышу, что ты *скучаешь*, а и мне не *безскушно*, аднако можешь разсудить, что дела на *скуку* менять не надобно» (Там же, с. 22; 1712); «Приезжай, друг мой сердешнишкой, ко мне скоряе, чтоб не так *скучно* было» (Там же, с. 43; 1716); «Ты о сем пожалуй не *поскучь*» (Гр-ки, 259); «принуждены не *скучать*» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 400; 1709).

Скуке и тоске в то время было противопоставлено веселье, см.: «Без вас уже гораздо *скучно* надеемся *повеселитца*» (Переписка, с. 165; 1717); «жалуй, не плачь, а мы, ей, *веселы*» (Там же, с. 13; 1710, Петр). «наш шишечка непърестанно *веселитца* муштированием салдат» (Там же, с. 80; 1718, Екатерина о младшем сыне).

Веселье было синонимично словам *радость*, *счастье*, *довольство* (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 66). *Веселиться* имело значение «быть довольным, веселым, счастливым; радоваться» (Там же, с. 63). *Веселить* «делать веселым, радовать» зафиксировано также в словаре (Там же, с. 62). Если веселье переживалось особенно бурно, от души, то употреблялось двойное именование такого веселья: *веселиться в радость*. В словаре этот оборот не зафиксирован.

Сравним другое семантическое противопоставление: *печаль* – *радость*, см.: «Писание вашей милости я получила, которому зело *порадовалась*» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 397; 1713, Екатерина – Петру); «Письмо твое получил, которое *радость* в *печаль* пременял» (Переписка, с. 41; 1716, Петр); «Тебе гсдрю моему впряд *безпечалну* в *радости* быт» (Гр-ки, 14); «Мне слыша *радоватись* в необъятой своей *печале*» (Там же, 94); «Я бы о том и не *попечаловался*» (Там же, 166). «О вас, государыня, в *великих печалих* *сокрушаются*. А ныне им великое *веселие*, и *печаль* *превратится в радость*» (Пов. о Василии, с. 203).

Заметим также, что эти два семантические полюса *печаль* и *радость* часто имели при себе определение *великая*: *впаде в великую печаль*, *была в великой печали*, *веселиться в великой радости*.

В противовес чувству печали выступают радость и веселие, которые для передачи этого переживания часто описывались, как это передано выше, двумя словами вместе. См. примеры со словами *радоваться*, *радостный*: «Мы соизволили вам объявить чрез сию *настоящую радость* оную, которую мы о том чувствуем» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 235; 1709); «Подай бгъ тебе доброе здоровье и *радосное пребывание*» (Гр-ки, 17); «Дай Боже, чтоб вас *видеть в радости скоряй*» (Переписка, с. 6; 1708). *Видеть в радости* имело значение «видеть вас радостно, приятно», *желать от сердца* «желать от доброго сердца» – это неоднократно повторяющиеся фразеологизмы, причем вначале их использует Петр, а в следующих письмах их повторяет Екатерина. Словарь любви у них был общим.

Радость и *веселие* часто сопровождают друг друга: «И всечесное пребывании *радость и веселие*» (Гр-ки, 137); «О семь *радуися и веселися*» (Там же, 152); «*радуяс веселюся* хлебом и солю *любительство чини*» (Там же, 160). См. словарные справки: *порадо-*

ваться «почувствовать радость, испытать удовольствие» (СлРЯ XVIII в., вып. 20, с. 53): *повеселить* «весело провести время, развеяться, порадоваться» (Там же, с. 104).

Фразеологизм *веселиться в великой радости* выражает высшую степень веселия: «Начаша *веселитися в великой радости*» (Пов. о Василии, с. 209). Созданию фразеологизма *в радости* – *весельи*, вероятно, помогла пословица, позже использованная А.В. Кольцовым: С радости-веселья хмелем кудри вьются, а с тоски-кручины русые секутся (Кольцов, с. 137).

Приведем пример более сложного фразеологизма: «Боже, помози нам... самих Вас *счастливо и в радости* дождатца» (Переписка с. 103; 1719, Катерина); «*Дождатца счастливо и в радости* значит «дождаться счастливой и радостной встречи». Приведем еще вариант оборота: «*Обрадовалась всем своим сердцем*» (Там же, с. 106; Катерина), «*радоваться сердцем своим*» (Пов. о Василии, с. 208).

Слово *счастье* чаще употребляется во фразеологизмах: *искать счастья*, *даровать счастье*, *участие воспринять в счастье*: «С помостию божию *искать* над неприятелем *счастья*» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 215; 1709); «И уповаем, что ваше величество в сем нам от всевышшаго *дарованном счастье*, по имеющей к нам *приязни*, *участие воспринять*» (Там же, с. 247). Ср. толкование: *счастье даровать* «дать, предоставить как благо, награду, милость» (СлРЯ XVIII в., вып. 6, с. 35).

В письмах были распространены просьбы о помощи и защите в отношениях с органами власти, например: «*Порадеи* о промысле Клима» (Гр-ки, 222; 1699). Здесь *порадеть* имеет значение «побеспокойся, постарайся». По смыслу сюда приближается фразеологизм *искать счастье* «добиваться счастья, стремиться к нему» (СлРЯ XVIII в., вып. 9, с. 113).

Вина и прощение тоже соседствуют в анализируемых текстах: «*Прости в вине моей*» (Гр-ки, 81).

В одном из писем Петр шуточно изображает «стыдливость» шведов, похожую на девическую застенчивость: «Шведы нас зело стыдятца, ибо нигде лица своево нам казать не изволят» (Переписка, с. 32; 1713, Петр).

Очень выразительны обращения, эволюция которых свидетельствует об усилении любовного чувства и развитии доверия и понимания между супругами, ср. эволюцию обращения Петра к Екатерине: *матка-Катеринушка*, *друг мой* – *Катеринушка*, *друг мой сердешнишкой*. Как видим, в личных письмах Петра свободно употребляются уменьшительные формы существительных и прилагательных в функции обращений.

Иногда письма содержали эмоциональные признания, касающиеся оформления самих писем: «На сие гсдрь писание *не покручиня* писмо дрвнское а извесно тебе гсдрю и самому что грамоте не умею» (Гр-ки, 281); «На писмо гсдрь не *прогневайся* писана вскоре» (Там же, 261); «Не *позазри* что писано коротко вскоре лучилос» (Там же, 17).

Отметим оригинальные попытки изобразить одновременно переживаемые чувства гнева и печали, обиды и печали, восторга и благодарности: «Король сам для своей немощи которая от *ярости и печали*

приключилась» (ПБП, т. 13, вып. 1, с. 115; 1713, Петр); «Тако от сих неправдивых доносов такую злобу безвременно и здесь печаль терпеть принужден» (Там же, с. 129); «Посылаю вашей милости презент и прошу, чтоб вы, на него глядя, не плакали за его к вам утеху» (Там же, вып. 2, с. 90; 1713, Петр). Употребление сразу двух эмоциональных единиц подчеркивает силу переживания и одновременность переживаемых эмоций.

Как правильно замечали наши прадеды, милосердие и жалость – взаимосвязанные чувства: «Совесть моя не зарит понеже чистою моею душею из всего моего жалостного простого срдца ежели изволишь новое твое фискальное и вышеупомянутое шетное дело исполнить» (Там же, с. 331; Петр); «Ваше царское величество милосердия срдца склонилас к лутчему мне. Печаль мое срдца сокрушат» (Там же, с. 340; 1713, Петр).

В следующем примере описано, как субъект, получивший соболезнование, переживает ответное чувство благодарности: «Видя ваше подобное отеческое ео мне соболезнование, благодарствую» (Там же, с. 379; Курбатов – Макарову). «Благодарствовать – то же, что благодарить» (СлРЯ XVIII в., вып. 2, с. 36).

Переживались разные чувства, например, гордость, удивление, зависть, опасение, причем эти чувства имели разные степени выражения. Ослабление какого-либо переживания значило переживать остуду. См., примеры с этими эмоциями: «За свои гордости и по моим бы сыскным делам забрать им штрафы и искать и остуды ни с кем получить не хотят» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 331); «Едино зело меня удивляет, на что не могу позволить дача денег ибо стыд и убыток из того будет» (Там же, вып. 1, с. 147; 1713, Петр – Екатерине); «Я на Соловьева писал не по зависти» (Там же, вып. 2, с. 379; 1713, Курбатов); «Опасаясь, чтоб вашего царского величества людей напрасно не потерять отступил я» (Там же, вып. 1, с. 224; 1713). Отсутствующее в словаре слово *опасаться* имело значение «ощущать тревогу, беспокойство».

Сила переживания также находила словесное выражение, о чем свидетельствует следующий пример: «Мы не можем обойтись вашему цесарскому величеству, какие дружбно-братски не предства, коим образом город Гамбург чрез многие лета так зле и непристойно против нас поступал, что не иное, как наше великое чювствование возбудить могло» (Там же, с. 241; Петр – австрийскому императору). Высшей мерой выражения переживания был оборот *от всего срдца*, например: «И сими зело добрыми новизнами вашу милость поздравляем от всего срдца» (Там же, вып. 2, с. 174; 1713).

Таким образом, словарь эмотивов был достаточно разнообразен, что позволяло описать и несколько одновременно переживаемых чувств, и степень снижения или усиления переживаемого чувства.

Выводы. 1. В изучаемый период эмотивы различных семантических групп широко представлены в частных письмах, в деловой речи, в дипломатической переписке, в художественных текстах.

2. Арсенал эмоциональной лексики разнообразен тематически, он способен обозначать разную степень

выражения эмоций (*бранить – ругать – гневаться*). Степень выражения эмоций зависит от сочетания смыслов и настроений в определенном фрагменте текста: 1) высокая степень, если субъект речи описывает собственные эмоциональные переживания и ощущения; 2) низкая степень выразительности, когда эмоция только названа без связи с субъектом речи; 3) эмоциональные единицы заметно сокращают или вовсе теряют эмоциональный настрой, попадая в шаблонные обороты речевого этикета.

3. Эмотивная лексика создает положительные и отрицательные образы в речевом произведении: *радость – печаль, любовь – ненависть* и т.п. Выделяются глагольно-именные пары *печаль – печалиться, скука – скучать, тоска – тосковать, радость – радоваться* и т.д.

4. Эмоциональные слова и обороты в изучаемых текстах являются элементами исконного происхождения и общерусского распространения; иноязычные заимствования отсутствуют.

5. Эмоциональные слова благодаря частой повторяемости развивают однокоренные лексемы. Степень выражения эмоций зависела от частеречной принадлежности слова: наиболее сильно эмоцию выражают глаголы и глагольно-именные предикативы (*сердиться – быть сердитым*). Выбор слова производился сознательно не только представителями власти, но и рядовыми гражданами, что свидетельствует о формировании сознательного отношения к языку.

6. Речевая практика, зафиксированная в проанализированных текстах, свидетельствует о наличии разнообразных средств и приемов для описания одновременного переживания субъектом речи разных эмоций, а также для разной степени выражения этих эмоций.

7. В Петровскую эпоху начинается формирование в России свободного гражданского человека, выражение чувств и отношений становится относительно свободным, менее зависимым от социального статуса собеседников.

Источники

- Вяземский, П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. – Москва : Советский писатель, 1986. – 555 с. (Вяземский)
- Грамотки XVII–XVIII века. – Москва : Наука, 1969. – 416 с. (Гр-ки)
- Кольцов, А. В. Полное собрание сочинений / А. В. Кольцов. – Москва : Советский писатель, 1958. – 311 с. (Кольцов)
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 9, вып. 1. – Москва : Изд-во АН СССР, 1950. – 538 с.; вып. 2. – 195 с. (ПБП)
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 13, вып. 1. – Москва : Изд-во АН СССР, 1992. – 480 с.; вып. 2. – 195 с. (ПБП)
- Письма русских государей и других особ царского семейства. 1. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. – Москва, 1861. – 167 с. (Переписка)
- Повесть о российском матросе Василии // Русские повести первой трети XVIII века. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965. – С. 191–210. (Пов. о Василии)
- Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1–31. – Москва : Наука, 1975–2023 (издание продолжается). (СлРЯ XI–XVII вв.)
- Словарь русского языка XVIII в., вып. 1–22. – Санкт-Петербург : Наука, 1984–2019 (издание продолжается). (СлРЯ XVIII в.)

Литература

1. Войнова, Л. А. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII века / Л. А. Войнова // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – С. 205–236.
2. Гайнуллина, Н. И. О новом типе дискурса носителя русского языка на стыке XVII–XVIII вв. / Н. И. Гайнуллина // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – Алматы, 2002. – № 10 (61). – С. 65–69.
3. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого (опыт диахронического описания) / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университети, 2002. – 141 с.
4. Гайнуллина, Н. И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: процессы адаптации / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университети, 2008. – 295 с.
5. Геранина, И. Н. Процесс заимствований и его упорядочение во второй половине XVIII века : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Геранина И. Н. – Москва, 2001. – 16 с.
6. Князькова, Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в. / Г. П. Князькова. – Ленинград : Наука. – 1974. – 254 с.
7. Колчева, И. В. Лексика писем и бумаг Петра Великого (к проблеме формирования общенациональных лексических норм) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Колчева И. В. – Смоленск, 2007. – 23 с.
8. Котяева, Н. С. Лексические заимствования в русском литературном языке второй половины XVIII века : на материале комедий : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Котяева Н. С. – Тамбов, 2016. – 23 с.
9. Малышев, А. А. Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на материале журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям») : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Малышев А. А. – Архангельск, 2010. – 24 с.
10. Семенов, П. А. Из истории изучения лексики «Писем и бумаг Петра Великого» / П. А. Семенов // Славянская историческая лексикология и лексикография : сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – Вып. 5. – С. 283–310.
11. Тюкачева, Е. В. Русское просторечие первой четверти XVIII века (функционально-стилистический аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тюкачева Е. В. – Алматы, 2001. – 20 с.
12. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.

G.V. Sudakov

“AND HE’S IN A HURRY TO LIVE, AND HE’S IN A HURRY TO FEEL...”

The article is devoted to the problem of the use of emotional vocabulary in the language of Peter the Great's era (1690–1725). The source of the research is texts of different types of writing: business documents of state offices, diplomatic correspondence, private letters, artistic texts. Emotives include words of different parts of speech and phraseological units; verbs and verb-nominal predicatives express emotions most strongly. The emotional words and phrases in the studied texts are the elements of native origin and common Russian distribution. The variety of emotional vocabulary are thematically diverse; they can express different degrees of emotions: *бранить* – *ругать* – *зневаться* (*curse* – *rebuke* – *be angry*). It is proved that the degree of expression of emotions depended on the combination of meanings and moods in the text, especially if the speaker described their own emotional experiences and sensations. The emotional units, becoming part of the stereotyped speech etiquette, noticeably reduce or completely lose their emotional mood. Emotive vocabulary creates positive and negative images in the spoken language. Emotional words develop cognate and synonymic word chains. It is revealed that the need to choose a word was recognized not only by government officials, but also by ordinary citizens, which indicates the formation of a conscious attitude towards the language.

History of the Russian language, emotional words and phraseological units, word meaning, parts of speech, register, norms of the literary language.